

Сергей Парахин
С чего начинается Родина

Документальная повесть

Сергей Парахин

**С чего начинается Родина.
Документальная повесть**

«Издательские решения»

Парахин С. А.

С чего начинается Родина. Документальная повесть /
С. А. Парахин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749364-6

В этих записках нет вымысла. Они созданы на основе архивных документов, личных воспоминаний участников описываемых событий, воспоминаний их детей, сестер, братьев. Это описание жизни одной русской семьи на протяжении почти четырехсот лет. Это же, в какой-то мере, и часть жизни русского народа. Часть истории России.

ISBN 978-5-44-749364-6

© Парахин С. А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Корни земли Орловской	8
Сергей Парахин	8
Дела давно минувших дней	11
Данила Сергеевич Парахин Екатерина Андреевна Шеховцова (Парахина)	15
Ефим Данилович Парахин	24
Николай Данилович Парахин	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

С чего начинается Родина

Документальная повесть

Сергей Парахин

*Человек может считаться богатым,
Если кто-нибудь сложит сказания о его делах,
Что бы жила память о них.*

© Сергей Парахин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Кто мы, откуда, куда мы идем...

Все мы сегодня люди очень занятые. Времени никогда ни на что не хватает. Мелкие и крупные неприятности на работе. Неоплаченные вовремя денежные счета. В квартире бесконечный ремонт никак не клеится. Дети – оболтусы бестолковые. Дом, работа, покупки – все круговертью. С друзьями встречаемся по редкому случаю. По телефону говорим на бегу. Не вылезает ночами из сетей интернета.

Вспомним. Когда же кто-то из нас последний раз написал письмо. Нет не электронное, а на бумаге, пером и чернилами, каллиграфическим подчерком. Когда же кто-то из нас последний раз ужинал за общим столом с престарелыми родителями, не спеша пил чай, смаковал малиновое варенье, беседовал задушевно и не поглядывал украдкой на часы.

О своих мелочных начальниках, боссах и шефах, о карикатурных политических и государственных лидерах, о криминальных олигархах и извращенных поп-звездах мы знаем гораздо больше, чем о своих близких, больше чем о своих родителях.

О своих же дедах и прадедах мы почти ничего не знаем. Да если честно, то и не интересуемся. Хорошо ли это? Кем будут наши дети и внуки? Иванами, не помнящими родства? Нас уже сейчас кое-кто называет – «особи мужского и женского пола».

Мои записки не преследуют каких-либо решительных целей. Я просто собрал все сохранившиеся сведения о своей родне (что смог). Для себя. Для них – живущих и ушедших. Для потомков. Для всех тех, кому это будет интересно.

В этих записках нет вымысла. Они созданы на основе архивных документов, личных воспоминаний участников описываемых событий, воспоминаний их детей, сестер, братьев. Это описание жизни одной русской семьи на протяжении почти четырехсот лет. Это же, в какой-то мере, и часть жизни русского народа. Часть истории России.

Ключевыми персонажами этого повествования являются мои родители: отец – Александр Данилович Парахин, 1928 года рождения, из крестьян Орловской области; мать – Екатерина Васильевна Парахина (Суркова), 1928 года рождения, из обывателей города Севастополя.

Пролог

*«Мы бы погибли, если
бы не погибали...»*

В сентябре 1855 года русскими войсками был оставлен Севастополь.

Город горел. По понтонному мосту через бухту, в сторону Мекензиевых Гор, уходили последние защитники крепости. На берегу, у самой воды, неподвижно застыл генерал-лейтенант Степан Александрович Хрулев. В неизменной белой папахе, но без бурки, в зеленом пехотном мундире. Правой здоровой рукой он крепко сжимал казацкую нагайку. Левая, простреленная наемни французской пулей, высоко была подвязана на груди черным платком.

Дымились разрушенные укрепления Малахова кургана. Во рвах, на валах, на батареях – изорванные в клочья штыками и картечью, вперемешку с перевернутыми артиллерийскими лафетами, разбитыми зарядными ящиками, полужасыпанные землей из обрушенных фашин, вцепившись друг в друга яростью последней смертной судороги – коченели тела русских и французских солдат. Тысячи.

Со стороны Четвертого бастиона слышна была тяжелая канонада. Там ещё сражались.

На внешнем рейде, ввиду города, густо дымили трубами корабли британской эскадры. На их пути в грозном молчании вросли в камень русские береговые форты.

Уходили солдаты и матросы, седоусые ветераны и мальчишки-барабанщики, тучные полковники и стройные корнеты. Уходили полковые священники и сестры милосердия. Уходили адмиралтейские мастеровые с детьми, женами и стариками, с узлами и корзинами. Скрипели телеги с ранеными. Громыхали по доскам колеса артиллерии. Над опущенными головами уходящих бойцов плыли зачехленные знамена. Их золоченые орлы мерцали тусклыми отблесками – то ли пожаров, то ли заходящего солнца.

Так заканчивалась героическая Севастопольская эпопея.

Вслед за войском уходила через переправу в отступ и семья уже немолодого отставного флотского бомбардира Суркова. Несли нехитрый скарб. Бережно баюкали на руках кряхтящего и хрюкающего новорожденного сынишку. Случайно повстречавшийся наемни полковой поп, прямо на обочине заполненной восками и беженцами дороги, крестил младенца именем Виктор. Невеликий домик той семьи оказался в аккурат посреди позиции артиллерийской батареи славного морского лейтенанта Перекомского Акива Михайловича и был разбит английскими ядрами при последнем штурме.

В эти грозные для России дни за сотни верст от Черного моря, на Орловской земле, в ничем не примечательном селе Успенье, православный батюшка крестил в купели новорожденного младенца крепостных крестьян Парахиных и нарек его Сергеем.

Спустя ровно сто лет потомки Сурковых и Парахиных встретятся на берегах Севастопольской бухты. Екатерина Суркова станет женой Александра Парахина. Они проживут рука об руку долгую и красивую жизнь. У них родятся дети, внуки и правнуки.

Корни земли Орловской

Сергей Парахин

Сергей Парахин. Крестьянин. Православный. Проживал со своей семьей в деревне Парахино, что возле села Успенье Орловской губернии (прежде были выселки почти сразу за северной околицей села, ныне же – «Парахин бок» в том же селе). Свое название, по мнению жителей, деревня получила от названия большого села Парахино, что расположено в двенадцати верстах к западу, возле города Ливны, по фамилии переселенцев из тех мест.

Родился Сергей в пятидесятых годах девятнадцатого века в крепостной семье.

Как он жил, какие радости и невзгоды выпали на его долю, какие испытания он перенес – мы не знаем.

Жег ли он помещичьи усадьбы «в кровавом и бессмысленном русском бунте» или мирно пахал землю.

Штурмовал ли он, со штыком наперевес, неприступные редуты Плевны или, задыхаясь от жажды, делил с товарищами последний глоток протухшей бурдючной воды в Туркестанских походах (в 1874 году в России была введена всеобщая воинская повинность с 20-ти лет).

Кто знает, быть может, его образ запечатлен на одном из полотен Верещагина?

А может быть, он явился прототипом Чеховского «Злоумышленника»?

Нам об этом ничего не известно.

Известно лишь, что в крестьянской семье повзрослевшего и ставшего мужиком Сергея было трое сыновей (Петр, Павел и Данила) и две дочери (одна – Варвара, имя второй дочери в памяти не сохранилось). Имя жены Сергея тоже не помнится.

Семья Сергея Парахина имела четырнадцать десятин пахотной земли и две лошади. По тем временам это было весьма неплохо – крепкие середняки, а то и вовсе – кулаки.

Сергей Парахин честно прожил трудную крестьянскую жизнь и закончил свои дни в родном доме, в своей родной деревне, в самом начале двадцатого века, в 1904 году, накануне Великой Русской Смуты.

После кончины отца дети его порешили разделить наследство согласием. Старший сын Петр со своей семьей остался владельцем на добром отцовском хозяйстве. Средний сын Павел с домочадцами (с женой и сыном Иваном) подался на заработки на Донбасс, в шахтерский городок при станции Дебальцево. Младший сын Данила пошел в батраки, неподалеку от родного села в усадьбу к помещику Карцеву. Дочь Варвара вышла замуж за односельчанина Никиту Шеховцова. Судьба же другой дочери нам неизвестна.

Как жил отец Сергея (прародителя), родившийся в эпоху Аракчеева, Пушкина и декабристов, под гром царских орудий на Сенатской площади, как его звали по имени, мы наверное не узнаем никогда.

Как жил дед Сергея, родившийся в эпоху Екатерины Великой, в дни основания Севастополя, под гром славных суворовских побед у Рымника, Измаила и Варшавы, как его звали по имени, мы тоже наверное никогда не узнаем.

Как жил прадед Сергея, родившийся в эпоху Елизаветы – дочери Петра Великого, в дни славных побед русского оружия при Куненсдорфе и под Берлином, в дни открытия Московского университета, в дни славы Ломоносова, Эйлера и Растрелли, как его звали по имени, мы наверное не узнаем никогда.

А жили они, как весь русский народ, как вся Россия – в трудах непосильных, в разгуле бесшабашном, в молитвах истовых, в грехах тяжких, подвигах воинских славных, в пожарах гибельных, в ярмарках и гуляньях, в свадьбах и крестинах, в пьянках и мордобоях, с бала-

лайками да самоварами, с грибами да со сметаной, с пряниками печатными да с детишками малыми.

О пращурах же, основавших фамилию Парахиных в тех местах черноземных, широких да привольных, медовых да яблоневых, сохранились ныне записи в Государственном архиве Орловской области.

В писцовой книге города Ливны, в записях за 1615/16 год от Рождества Христова:

«Село, что была деревня Парахина верх Белово колодезя под Красным лесом, а в нем церковь святые великомученицы Поросковей. Василий Григорьев сын Парахин, Родион Андреев сын Парахин, Мирон Исаев сын Парахин, Сергей да Петрушка Логиновы дети Парахина»

«За Василием за Григорьевым сыном Парахина отца его поместье жеребий в селе, что была деревня Парахина сверх Белого Колодезя под Красным лесом. А в жеребью села: д. помещиков Васильев да крестьян: в Якушино Васильев Быченок; в. Демка Дмитриев; в. Титко Костин; в. Лалко Петров; в. Богдашко Ефимов да бобылей: в. Гришка Лукьянов; в. Ониконко Киреев. И всего д. помещиков да 5 дворов крестьянских, да 2 двора бобыльских. А людей в них тоже пашни добрые паханые земли 5 чети да дикого поля 145 чети. Обоего пашни и дикого поля 150 чети в дубровам 300 копен. Лес Красной в опчесо всеми помещики. А сошного пистма в живущем и впусе полчети и полполчетверти сохи.// За Родионом за Андреевым сыном Парахина в том же селе что была деревня Парахина под Красным лесом сверх Белого Колодезя. А на его жеребеи: д. помещиков да крестьян: в. Лукьянко Иванов; в. Савка Позняков; в. Кирейка Иванов; в. Озарка Позняков. И всего д. помещиков да 4 двора крестьянских, а людей в них тоже. Пашни добрые паханые земли 4 чети да дикого поля 146 чети. Обоего пашни и дикого поля 150 чети в поле, а в дву по тому ж Сена меж поль по логам и дубровам 300 копен. Лес Красной в опче со всеми помещики. А сошного письма в живущем и впусе полчети и полполчети сохи.// За Мироном за Исаевым сыном Парахина отца его поместье в том же селе что была деревня Парахина сверх Белого Колодезя под Красным лесом. А на его жеребеи: д. помещиков да крестьян; в. Горасимко Оксенов; в. Степанко Костин; в. Докука Дмитриев. И всего д. Помещиков да 3 двора крестьянских, а людей в них тоже. Пашни добрые паханые земли 3 чети да дикого поля 97 чети. Обоего пашни и дикого поля 100 чети в поле, а в дву по тому ж Сена меж поль по логам и дубровам 200 копен. Лес Красной в опче со всеми помещики. А сошного письма в живущем и впусе полчети сохи. А платить ему с живущего с 3 чети.// За Сергеем да Петрушкою Логиновыми детьми Парахина отца его поместье в том же селе, что была деревня Парахина сверх Белого Колодезя под Красным лесом. А на их жеребеи: д. помещиков да крестьян: в. Олешка Михайлов; в. Тренька Офонасьев; в. Кирейко Есютин; в. Сенька Михайлов; в. Гришка Яковлев; в. Андрюшка Семенов. И всего д. помещиков да 6 дворов крестьянских, а людей в них тоже. Пашни добрые паханые земли 6 чети да дикого поля 144 чети. Обоего пашни и дикого поля 150 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена меж поль по логам и по верхам, и по дикому полю, и по дубровам 300 копен. Лес Красной в опче с разными помещики. А сошного письма в живущем и впусе полчети и полполчети сохи».

Переписные же книги 1678 года, царствование Федора Алексеевича, содержат следующее: «Стан Красной (Красный) Село Пятницкое, что была деревня Парахина, с церковью Св. Великомученицы Параскевы, нарицаемая Пятницы; в прежнее время при церкви жили бобыли двумя дворами, и те бобыли померли». Из 22 помещиков этого села толко одни Парахины имеют на своих землях крестьян и бобылей. Володимер и Сафон Ларионовы дети – крестьянский двор да бобыльской, людей в них 4 человека; за Микитою Лазаревым сыном – двор крестьянский, людей в нем 6 человек; за Евтифеем Семеновым сыном – 2 двора крестьянских, людей 7 человек; за Иовом Овдокимовым сыном – двор крестьянский, людей 3 человека, за Савостьяном Григорьевым сыном преж сего было за отцом его 4 двора крестьянских, и в прошлых годах в полон поиманы».

1685 год, правление царевны Софьи Алексеевны:

«Село Парахино: Чуриловы, Анисимовы, Парахины». «Церковь св. мученицы Парасковей, нарицаемая Пятницы, что в селе Парахине (по новому прозванию деревня Овсянникова Макара с товарищи, на земле Великих Государей (имеется ввиду совместное правление Ивана Пятого и Петра Первого, бывших малолетними и сидевших на двухместном серебряном троне; ну не такие уж и малолетние – Петру 13, Ивану 15) ... древяна клетки, ветха, стоит без пения, а в церкви: образ Всемилостивого Спаса, образ Св. Мученицы Прасковей в окладе, оклад серебряной золоченой басебной (басменной, – оч. красивый), церковныя утвари: сосуды, бельца, лжица и копье, нандея медныя (не поняла, что это пока что), да книг церковных – октой да минея общая, апостол, псалтырь учебная, часослов, служебник, ермолой, евангелия (половина обгорела кругом), кадило, 4 колокола; а по сказке старожилов, что та церковь и в церкви образы и книги и всякое церковное строение приходское; да у той же церкви двор попа Василья Фомина, да 3 двора дьячковых: двор старого дьячка Павла Тарасова, двор Дорошки Тарасова, двор Федьки Тарасова, да место дворовое пономарское Ивашки Яковлева, да места дворовыя бобыльския: Ефремка Сидорова, Ромашка Афанасьева, Офоньки Анкудинова, а те бобыли, по сказке сторожилцов и прихожан тутошних и сторонних людей и пономаря, от разоренья Крымского хана пропали безвестно; а в прежних писцовых книгах Ивана Малечкина 1629 года написано (далее перечисляются пашни паханья церковныя добрыя земли), а в Красной лес въезжать им попу Василью с церковными причетчики со всеми помещики обще. Писана та церковная земля по сказке попа Василья за его рукою 7193 году Декабря в 1 день».

«Дети боярские (понимать – слуги боярские) – в Русском государстве 15 – 17 веков разряд служилых людей. Дети боярские получали за службу от князей, бояр, церкви – поместья (от 70-ти до 300-т четей); не имели права отъезда. Обычно в эту категорию служилых людей попадали потомки младших членов княжеских дружин (отроков) или измельчавших боярских родов. С образованием Русского централизованного государства большое количество детей боярских перешло на службу Московскому Великому Князю, впоследствии – к Царю. В 16 веке дети боярские делились на дворовых (часть столичных верхов) и городских (провинциальные дворяне).

В 17 веке – при создании на юге Русского государства засечной линии от «дикого поля», ради службы пограничной, числили зачастую в «дети боярские украинских городов» годных к ратному делу людей вольных, гулящих, а так же служилых – стрельцов, казаков и прочих. Жаловалось же им по 150 четей земли в «диком поле» и по 5 рублей денег. Термин «дети боярские» исчез в начале 18 века в связи с проведением Перовских реформ.

Помещики – изначально дворяне-землевладельцы, служивые люди, «испомещавшиеся», то есть получившие в пользование землю (поместье) за выполнение государственной службы. В порубежных местах земля давалась зачастую без крестьян – «пустая». Такие помещики назывались пустоземельными».

Четь (четверть) – мера площади пахотных земель в старинной русской системе мер, на которую делилась соха. Определялась, как 0,5 десятины (0,546 гектара).

Десятина – мера площади на Руси равная 1,0925 гектара.

Дела давно минувших дней

*«– Крымский хан на Изюмском шляхе безобразничает!
– Как же это вы так допустили?!
– Не вели казнить.
– Пиши царский указ. Послать войско выбить Крымского хана
с Изюмского шляха. Точку поставь».*

Век семнадцатый. Начальные годы века сего.

Эпоха просвещенная и романтическая. Эпоха благородных мушкетеров короля Людовика и храбрых гвардейцев кардинала Ришелье. Эпоха отчаянных пиратов Карибского моря и «золотых» галеонов Испанской короны. Эпоха прекрасных дам и придворной интриги. Эпоха бокала с ядом, черной маски, плаща и кинжала.

Золотой век Голландской живописи.

Божественное и неповторимое пение скрипок Николо Амати.

Торжество музы служителей пера – Мигеля Сервантеса и Лопе де Вега, Уильяма Шекспира и Томмазо Копанелла.

Торжество и слава служителей науки – Галилео Галилея, Иоганна Кеплера, Рене Декарта.

Эпоха изобретения телескопа, барометра, логарифмической линейки.

Дерзостный капитан голландский Вильям Янсзон впервые бросил якоря возле берегов далекой Австралии и узрел сумчатых кенгуру.

Доблестный мореплаватель британский Генри Ходсен отважно ступил на берега дремучего острова Манхеттен и вбил первый жеговой кол в основание будущего города Нью-Йорка.

Тринадцатый император китайской династии Мин – священный Ваньли, затворился навеки в уединении и неге дворцовой роскоши. Из печей же Цзындэчжэня неустанно выходил тончайший бело-голубой фарфор с его божественной печатью – тот, что на долгие века много и много дороже золота.

Великий Могол – могучий Джаханпир, в ночных пирах под яркими звездами сказочной Индии, отрекшись от дел мирских, воздавал бесконечную хвалу сладострастной жене своей – Нур Джахан. Слагал стихи и музыку в ее честь, возводил для нее чудесные дворцы, сады и храмы.

Первые же дни века семнадцатого были осенены горьким пеплом великого безбожника Джордано Бруно, кой был сожжен заживо по приговору Священной Инквизиции на площади Цветов в Вечном Городе Рима 17 февраля 1600 года от Рождества Христова.

Накануне же означенного века, в 1596 году от Рождества Христова, верноподданный английской короны, муж вельми ученостью знатный, сэр Джон Харрингтон, явил королеве Елизавете I и всему цивилизованному миру изобретение диковинное и нужное – ватерклозет.

Лета 7123 от Сотворения Мира (1614 год от Рождества Христова) смута великая на Руси Святой пошла как бы на убыль. И Лжедмитрия поганого изничтожили. И поляков из Кремля Московского с боем вышибли. И Государь Михаил Федорович, всенародно призванный, воссел на престол Всея Руси. И Вор Тушинский был предан смерти лютой. И атаман Иван Заруцкий казнен бесчестно. И трехлетний «воренок» на Кремлевских воротах повешен с глумлением. И Марина Мнишек гнусная в Коломенском монастыре сгинула. И Князь Пожарский с воинством православным многими победами ратными славен был.

Русь возрождалась. Русь очищалась от иноземцев. Русь очищалась от людей гулящих. Русь очищалась от воровских ратей.

Но буря лихолетья все еще не минула землю православную. Шведы грозили Новгороду с севера. Поляки притязали на Смоленск с запада. Крымцы черной тучей клубились на юге. Войска же доброго на Руси было – край как мало было.

На Покров Святой Богородицы (14 октября) в тот год снег не выпал. И далее осень шла ясная, морозная, твердая и бесснежная. Ковыль степной бескрайний застыл в инее под невысоким утренним солнцем. Ледок тонкий сверкал в мелких дорожных лужицах. Земля на проселках закаменела. Деревья в лесах давно уж облетели, лишь осинники на опушках выделялись багряно и ярко.

В ясный день на Параскеву Великомученицу (28 октября), над обрывом крутым вдоль оврага глубокого, прижимаясь к перелеску густому недалекому, шла дружина ратная числом в сотню воинов без малого. У каждого на груди крест православный. У некоторых на поясе кошель заветный с казной. Шли не мешкая, ибо на плечах висела неотступно погоня грозная – боярин Одоевский в силе тяжелой со стрельцами и пищалями.

Прежде ратники сторожно обошли лесными глухими тропами города обильные Тулу, Мценск да Орел. Ныне же места кругом тянулись безлюдные, порубежные, лихие. Только впереди на реке Сосна стояли строго города царицы Ливны да Елец. А уже за рекой Сосна лежало поле дикое, басурманское, а за ним мерещился Дон вольный, православный, где всем пришлым выдачи назад, на расправу и пытку царскую – нету.

Ох, и дружина же та была дивная. Все пешие. Коней давно порастеряли – иные сгнули в сечах, иные пали от бескормицы, иные пошли в котел на прокорм артельный. Виднелись в той дружине и усы пышные ляшские, и бороды холопские, и морды рязанские, и рожи татарские. Теснились рядом жупаны краковские, епанчи московские, зипуны тамбовские, тулупы вологодские, халаты бухарские. Одежа на воинах ветхая – дождями пробита, ветрами обвеяна, ночевками на голой земле потерта, прорехами отмечена, у костров прокопчена да опалена. Хуже всего дело с обувкою. Сапоги сафьяновые новгородские, ботфорты дубленые фряжские – все всмятку, все «каши просят», тут же – у кого и поршни сыромятные сеном набитые, и лапти лыковые, и валенки костромские, а кто и просто босиком.

Но оборужены людишки были изрядно. Под рванью одежной звякали кольчуги добрые, скрипели доспехи коробчатые, сверкали на солнце нагрудники кованые. Тут и там среди шапок собольих да треухов овчинных виднелись шеломы суздальские, шишаки татарские, да каски шведские. У иного меч новгородский, у кого сабля турецкая, а то и секира ярославская. Многие тащили бердыши вида смертоубийственного, что от конницы в степи – первое дело. Некоторые же упорно не расставались с пищалями, последний надежный заряд оберегая тщательно.

Лица обветрены, шрамами иссечены, коростой покрыты. Бороды нечесаны, всклокочены. Очи грозные, зоркие.

А позади, в годы смутные, у тех людей – чего только не было. Дела славные. Дела ратные. Дела воровские. Дела лукавые. Дела разбойные. Дела смертные.

А все то, что было еще ранее, до смуты великой, в жизни далекой – царица служба честная, ремесла добрые, хлебопашество божеское, женки да детки, кров отчий – все забыто давно, все прахом пошло... Отнято, порушено, осквернено...

У города Твери под стягом славного рыцаря Якоба Делегарди били нещадно ляхов полковника Зборовского. В городе Москве на лобном месте, с боярином Федором Ивановичем Мстиславским согласно, целовали крест королевичу польскому Владиславу Сигизмундовичу. У города Калуги, союзно с «нареченным патриархом московским Филаретом» (в миру – Федором сыном Романовым) держали руку Тушинского Вора. У города Воронежа делили лихо с атаманом Иваном Заруцким. Меды столетние пили за здоровье Марины Мнишек и сына ее Ивана – «воренка». Грамотками прельщались смутными. Письма разносили подметные.

Бывало – золото да камни драгоценные рассыпали пригоршнями. Бывало – последний горький сухарь делили по-братски. Жгли города. Души православные губили бессчетно. Блудили, кутили. В монастырях и скитах у святых отшельников истохо грехи свои замаливали тяжкие.

И вроде бы – все за Русь святую сражались. Да все как-то не впопад. Как ни поверни, а выходит – тати. Пощады от слуг царских нынешних ждать не приходится. На Руси святой места тихого для себя, поди уж, и не сыскать. Или пропадать насмерть. Или на Дон идти.

Так и шли эти люди – уставшие, ожесточенные, затравленные, с горечью в душе и без надежды в сердце.

И вот встали ратники в круг. Скинули наземь зипуны, да тулупы, чтоб биться было сподручнее. Ощетинились бердышами. Обнажили клинки. Раздули фитили пищальные. К бою смертному приготовились. К бою последнему. Стояли молча. Все было между ними давно уже говорено.

На пути их встал воевода Ливенский со стрельцами городскими в силе тяжелой. Да с иной стороны нагнал беглецов конный дозор боярина Одоевского в полусотню всадников.

Время шло. Дымились фитили, блестела на солнце сталь. Переминались с ноги на ногу воины. Всхрапывали кони. Бой все никак не начинался.

Тут зарокотали барабаны стрелецкие. Выехал посередь поля от рядов войска городского боярин знатный на коне вороном в шубе соболей. И не с мечем в руке, а со свитком писанным, скрепленным печатью орленой.

И возвестил тот боярин громогласно о воле царской. А воля сия гласила следующее:

«Людам вольным, гулящим, к ратному делу способным и гожим, в Дикое Поле и на Вольный Дон не ходить. Воеводам городков порубежных людей сих имать и к службе засечной крепить. Дела их прошлые и воровские не поминать и розыску в них не чинить. Знатных из них писать детьми боярскими, положить каждому из земель пустых порубежных поместье в 150 четей и 5 рублей денег, прочих числить стрельцами городскими, положить каждому из земель пустых порубежных поместье в 70 четей и 3 рубля денег. Людам же тем крест целовать на службу царскую. А буде кто из тех людей вольных и гулящих не покориться, тех бить смертно».

Опешили беглецы от такой вести. Оно, как бы и милость царская, но вроде бы и кабала смертная. Опять же землю на поместье жалуют и деньги. Жизнь, с которой уж распрощались, даруют. Зачесали мужики затылки, опустили очи долу. Бердыши сами собой вверх задрались, клинки опустились, фитили потухли. Загутарили, забормотали товарищи промеж себя. Выслали наконец к боярину выборных, тех, что по общему согласию в походе и в ратях начале имели. Склонили головы перед боярином выборные атаманы, поснимали шапки:

«Будь по-твоему, боярин. Покоряемся воле государевой. Целуем царю Михаилу Федоровичу крест православный в службе ревностной».

Назвали они себя перед дьячком писчим братьями единоутробными – Сергеем да Петрушкой Логиновыми. И записаны были по тому святому дню (Святой Параскевы Великомученицы – Прасковей, Параши): Сергей да Петрушка Логиновы – дети Парахины, сыны боярские.

И целовали люди ратные в тот день святой крест на верную службу царю Михаилу Федоровичу. И срубили они на том месте часовню-однодневку в честь Святой Параскевы Великомученицы. И освятил ту часовню поп Матвей при войске стрелецком прибывавший. А возле той часовни обосновались те дружинники табором на зиму. Вырыли землянки. Топились по-черному. Промышляли рыбной да звериной ловлей. Правили службу царскую порубежную. До весны дожили немногие. Иные в сечах с татарами головы сложили. Иные померли от цинготной немочи, да от кровохаркания. Иные, целование крестное порушив, утекли в Дикое Поле, да на Вольный Дон.

В зиму ту подходили к сему порубежью и иные ватаги. Из тех ватаг люди тоже многие сгинули, а которые остались. Возле часовни Святой Параскевы Великомученицы целовали крест царю Михаилу Федоровичу и приняли имя детей боярских, сынов Парахиных – атаманы Василий Григорьев, Родион Андреев и Мирон Исаев.

Те люди, что остались на месте том, и первые из тех сыны Парахины, крестного целования царю русскому держались твердо. Порубежье держали крепко. С врагами бились люто. Землю пахали истово.

Были после того в тех краях дела всякие. Были злые набеги татарские. Были походы ратные на ляхов. Были годы неурожайные, голодные. В иные годы лихие вовсе хлеба не сеяли. Был мор на люди. Был раскол церковный. Были кровавые бунты стрелецкие. Но жизнь продолжалась. Годы спустя на месте часовни памятной построили люди церковь все той же Святой Параскевы Великомученицы, а вокруг нее выросло село Парахино.

Со временем порубежье Государства Русского откатилось далеко на юг, ближе к Днепру и Днестру, к Дону и Кубани. Парахины, как и прочие служивые люди прежней засечной линии, отошли от службы ратной, приросли к хлебопашеству на черноземах жирных. Холопами собственными они так и не обзавелись толком. Тех, которые и были некогда – растеряли. Стали они поначалу зваться детьми боярскими пустопоместными, затем именовались однодворцами.

Спустя полвека, лета 7181 от Сотворения Мира (1672 год от Рождества Христова), царь Федор Алексеевич, за отсутствием службы, обложил однодворцев подворным тяжким налогом.

Спустя же ещё полвека, в 1724 году от Рождества Христова, император Петр Алексеевич отнял у однодворцев прежде жалованную землю в казну и закрепостил их в государевы крепостяне. После они продавались, раздавались и дарились дворянству российскому монаршей державной милостью да монаршей хмельной прихотью.

Так Парахины из людей служивых и владетельных стали обыкновенными крепостными крестьянами.

Село Парахино и по сей день стоит в десяти верстах к северу от города Ливны, и в нем есть церковь Святой Параскевы Великомученицы. За четыреста последующих лет выходцы из села Парахино, сохранив свою фамилию, широко расселились на берегах реки Сосны и её притоках – Ливенки, Любавши, Чернавы, в городах Ливны и Елец, в селах Успенье и Преображенье, в деревнях Оберец и Прилепы, в десяти, двадцати и более верстах от родной церкви.

Можно же ныне встретить Парахиных и по всей Великой России – от моря Черного до моря Белого, и от моря Балтийского до моря Охотского. Есть среди них люди служивые, люди ученые, есть землепашцы, есть мастера ремесленные, есть люди прославленные на всю Русь, есть люди безвестные. Есть люди честные. А есть и лихоимцы, и душегубцы.

Данила Сергеевич Парахин Екатерина Андреевна Шеховцова (Парахина)

«Мы с железным конем все поля обойдем...»

Весной 1880 года прославленный генерал Михаил Дмитриевич Скобелев штурмом взял последнюю туркменскую крепость Геок-Тепе. Русский солдат, сверкнув штыком, прочно встал на Кушке. Присоединение Средней Азии к Российской империи было завершено.

1 марта 1881 года в Петербурге народовольцами был убит Всероссийский Император Александр II – «Освободитель».

В распахнутой бобровой шубе, с обнаженной головой, раскинув руки, Александр Николаевич лежал на спине. Его красивые, карие, широко раскрытые очи неподвижно смотрели в ярко-синее мартовское небо. Там где должны быть ноги – кровавое месиво. Вокруг – грязный, после взрыва бомбы, снег, черно-красные пятна, лужи крови, битое стекло. Протяжно стонала раненная лошадь. Вдалеке раздавались свистки городских. Куда-то галопом проскакал фельдъегерь. Вокруг сустились люди – конвой, прохожие. Накрыли чем-то лицо лежащего неподалеку кучера.

Александр любил жизнь. Морозную зиму. Медвежью охоту. Летнее разнотравье. Он любил свою семью, свой дом, свою Россию. Он был хорошим отцом. Он был не очень хорошим мужем. Он был русским царем.

Так завершилась эпоха Великих реформ. Россия вступала в эпоху внутривосточной реакции, в то же время – внешнего мира и экономического подъема.

Престол перешел к Александру III – «Миротворцу». В 1889 году на международной конференции в Гааге он впервые озвучил концепцию всеобщего мира и разоружения.

Никому не известный Алеша Пешков «босычил» по Волжскому раздолью.

Кудрявый Володя Ульянов с ранцем на спине бегал по утрам в гимназию.

Безусый юнкер Антон Деникин под барабанный бой «тянул носок» на строевом плацу военного училища.

Британские джентльмены, придерживая ладонью котелок на голове, азартно осваивали новую игру «футбол». Они же – штыками и прикладами хладнокровно загоняли многодетные семьи африканских буров за колючую проволоку концентрационных лагерей.

В свою очередь, у этих же самых суровых буров, мыкал горе в плену молодой гусарский поручик Уинстон Черчилль.

В 1891 году, привычно звякнув кандалами, российская каторга бодро потянула рельсы от Уральских гор, вглубь непролазной тайги, к далекому Тихому океану, к сказочному городу Владивостоку. Началось строительство Великой транссибирской магистрали.

На подмостках российских варьете задорно и беззаботно гремел канкан.

Антоша Чехонте до слез веселил читателей своими короткими рассказами.

На Нижегородских ярмарках Великий Безумец Врубель потрясал людские души безысходной печалью своих «Демонов».

В 1885 году в Севастополе под звуки вальса состоялось торжественное открытие Приморского бульвара.

Данила Сергеевич Парахин родился в 1885 году, в крестьянской семье, в деревне Парахино возле села Успенье Орловской губернии.

Данила в 1895 году окончил три класса церковно-приходской школы. Работал на земле в зажиточной семье Отца. Пахал, сеял, косил.

Воодушевленные братья Люмьер в 1895 году подарили миру чудо «синематографа» – восемнадцатисекундную фильму – «Прибытие поезда на вокзал Ла-Сьёта».

В 1901 году в Стокгольме, впервые в истории, королём Швеции была вручена выдающимся деятелям науки и прогресса Нобелевская премия.

Предприимчивые братья Райт в 1903 году в загородном сарае на последние центы смастерили свою фантастическую крылатую машину.

В 1904 году, после смерти отца, молодой парень Данила оставив родной отчий дом и доброе хозяйство на попечение старшего брата Петра, пошел в батраки к окрестным помещикам.

В 1905 году Данила Сергеевич женился.

Это был год первой русской революции, когда борьба народа с царизмом подошла к всеобщей политической стачке, охватившей страну в октябре 1905 года.

8 октября 1905 года на железнодорожной станции «Елец», что в двадцати верстах от села Успенье, забастовали телеграфисты, стрелочники, конторские служащие и рабочие. В период с 11 по 13 октября 1905 года железнодорожная забастовка в Орловской губернии стала всеобщей. Движение поездов стало.

С наступлением осени обострилось положение и в сельских местностях губернии. В период сельскохозяйственных работ крестьянских выступлений почти не было. Но осень 1905 года стала для орловских помещиков временем «великого страха». Крестьяне Ливенского, Елецкого, Малоархангельского уездов рубили лес, травили посевы, громили поместья. Бросая усадьбы, помещики бежали в города Орел и Елец.

Конечно же, молодой безземельный батрак Парахин Данила Сергеевич не мог оставаться в стороне от этих событий. Буянил, громил усадьбы, грабил и гулял наравне со всеми.

9 ноября 1905 года Орловский губернатор К. А. Балясный посредством регулярных войск предпринял решительные карательные действия в отношении крестьян, с целью строгого пресечения разгоревшегося бунта.

Весной следующего – 1906 года, Данила Сергеевич был призван на службу в армию, что отчасти спасло его и позволило избежать расправы за участие в беспорядках.

Три года он верой и правдой служил Царю и Отечеству. Познавал сложную военную науку. Тянулся в струнку перед «их благородиями». Получал кулаком по морде от фелдфебеля за малейшую провинность. Учился грамоте и закону божьему (в русской армии это были обязательные дисциплины). Постигал основы санитарии и гигиены (за грязь и неопрятность в русской армии строго наказывали). Наливался силой и статью на казенных харчах (кормили в русской армии обильно и сытно).

После службы вернулся в родное село, к семье. Вновь принялся батрачить.

А Россия жила своей неповторимой и нелегкой судьбой.

Могучие броненосные эскадры уходили с Балтики к далекой Цусиме, что бы навсегда растаять в океанских туманах. Инженер Попов в Севастополе проводил первые испытания радио. Православной церковью был предан «анафеме» граф Лев Николаевич Толстой. В Таврическом дворце дружным исполнением гимна «Боже, царя храни...» торжественно открылось первое заседание Государственной Думы.

Летом 1914 года грянул выстрел сербского студента в Сараево. Ни за что, ни про что был убит австрийский эрцгерцог Фердинанд. Началась Первая мировая война.

По мобилизации Данила Сергеевич ушел на фронт, рядовым в пехоту. Воевал всю долгую войну на Юго-Западном фронте. Воевал честно. Ходил в штыковые атаки на германские пулеметы. Вжавшись в земляную стену траншеи, часами неподвижно сидел, пережидая вражеские артобстрелы. Тянулся в струнку перед «их благородиями». Месил ногами осеннюю окопную грязь. Давил вшей.

А война развернулась не на шутку.

Русская армия – то пятилась назад в «Великом отступлении», то сотрясала фронты «Брусиловскими прорывами».

В 1915 году совершил первый боевой вылет первый в мире тяжелый бомбардировщик – русский «Илья Муромец».

В 1916 году в свою первую атаку пошли первые в мире танки – английские «Mk-IV».

В 1916 году мир содрогнулся после первых в истории войн газовых атак – германских.

В конце 1916 года в Петрограде заговорщиками-аристократами был убит Гришка Распутин.

В феврале 1917 года рухнуло самодержавие в России. По стране одна за одной прокатились кровавые волны революционного террора и контрреволюционного мятежа.

Площади гремели митингами. На станциях пронзительно кричали паровозы. Именем революции «уполномоченные» (и неуполномоченные) сплошь и рядом ставили к стенке «контру». От кумачовых знамен, транспарантов, нагрудных бантов рябило в глазах.

«Мир – народам!»

«Земля – крестьянам!»

«Хлеб – голодным!»

«Вся власть Советам!»

«Да здравствует Учредительное Собрание!»

«Анархия – мать порядка!»

«Ура!!!»

Фронты рушились. Армия разбежалась. Солдаты целыми полками, с оружием, оставляли позиции, захватывали железнодорожные эшелоны и отправлялись в тыл. Из распахнутых теплушек несло нестройное и пьяное: «Эх, яблочко, куды ты котисся...»

Поздней осенью 1917 года вернулся домой и Данила Сергеевич.

За четыре года войны некогда справное хозяйство, оставшееся без работающих и заботливых мужицких рук, пришло в упадок. Жена с детьми едва перебивались с хлеба на квас. Нужно было все начинать сначала.

В марте 1918 года на Россию обрушился позор «Брестского мира».

В стране началась Гражданская война.

На Дону и на Кубани закалялась и крепла в боях, росла численно, белая «Добровольческая армия». На Украину хлынули орды германских войск. Против Советской Республики выступили казачьи атаманы Каледин, Краснов, Дутов, Семенов. В Сибири, на Дальнем Востоке и на Урале поднял контрреволюционный мятеж сорокатысячный Чехословацкий корпус.

В июне 1918 года СОВНАРКОМ принял решение о создании регулярной Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

По Ленинскому призыву Данила Сергеевич добровольцем ушел на фронт сражаться за «Мировую Революцию».

Весь смутный и яростный 1918 год на Восточном фронте, на Волге и на Урале, в жестоких боях, он по-мужицки, насмерть, бился с восставшими белочехами и уральскими казаками, с колчаковскими офицерами – добровольцами и эсерами – савинковцами.

Весной 1919 года вступил в ряды ВКП (б).

Тогда же, в марте 1919 года, лично товарищем Василием Ивановичем Шориным – славным красным командармом, как политически грамотный, сознательный боец, он был направлен с фронта в родную деревню для создания комитетов деревенской бедноты и организации крестьянских коммун.

Буйной весной 1919 года Данила Сергеевич твердо шагнул по родной Орловской земле с партийным билетом и революционным мандатом в нагрудном кармане и с заряженным боевыми патронами наганом в кабуре. Под его руководством были поочередно организованы: коммуна им. Ленина в имении бывшего помещика Мишина (с. Преображенье), коммуна им. Калинина в имении бывшего помещика Александрова (д. Никульниково), коммуна «Красная Роза»

в имении бывшего помещика Карцева (д. Ниженка). В родном Успенье подходящего для организации коммуны (как её в то время представляли) имения не нашлось.

Позднее, уже в сороковых годах, все три Коммуны были объединены в один колхоз, под названием «Колхоз им. В. И. Ленина» с центром в селе Преображенье.

Что такое Коммуна. Все члены коммуны, вместе с семьями, жили в достаточно большом бывшем помещичьем доме. Кто в отдельной комнате, кто в чулане, кто за перегородкой. «Коммуналка». Питались все из одного общего котла – всем одинаково, всем поровну. Одежда и обувь выдавались со склада (по мере возможности и по необходимости).

Работали все на одном поле, в одном огороде. В усадьбе имелась кузница и мастерские. Баня. Вся живность вплоть до курей – общая.

В коммуну вступали добровольно, в основном деревенская беднота – безлошадные крестьяне, вдовы с детьми, одинокие бобыли, калеки вернувшиеся с войны.

К слову сказать – в условиях гражданской войны, «военного коммунизма», голода, разрухи, бандитизма, тифа – это была реальная возможность выжить. На коммуны большевистская продразверстка не распространялась. Советская власть, наоборот, помогала коммунарам – лошадьми, инвентарем, семенным зерном, одеждой, обувью.

В июле 1919 года, сбив зыбкие заслоны, в тылы Красной Армии прорвался белоказачий кавалерийский корпус генерала Константина Константиновича Мамонтова. Глубоким рейдом прошли казаки по тылам Красного Южного фронта, уничтожали гарнизоны и части, разрушали связь, уничтожали пункты военного снабжения, распускали мобилизованных большевиками солдат по домам. Белые заняли поочередно города, Тамбов, Лебедянь, Козлов, Елец, Воронеж, Касторная, Грязи. Пришли они и в село Преображенье.

В пока ещё не занятом врагом городе Ельце в те дни спешно создавался Сводный коммунистический отряд для борьбы с контрреволюцией. Со всех окрестностей туда стекались большевики, комсомольцы, советские работники. Туда же, надев выдавшую виды шинель, сняв со стены винтовку и сунув в карман наган, ушел Данила Сергеевич.

Опасность для молодой советской республики была нешуточная. Для борьбы с белоказачьими конными соединениями нужна была регулярная красная кавалерия. А её не было. Реввоенсовет Советской Республики во главе с Львом Давыдовичем Троцким бросил клич: «Пролетарий – на коня!» В те грозные дни можно было увидеть кронштадтского матроса верхом на лошади, революционного путиловского рабочего с округлившимися глазами, мертвой хваткой вцепившегося в седельную луку.

Данила Сергеевич, с детства хорошо знающий и любящий лошадей, сразу же был зачислен в эскадрон 13-й отдельной кавалерийской бригады под командованием товарища Петра Васильевича Курышко. Задача была – сдерживать продвижение частей генерала К. К. Мамонтова до подхода красного кавалерийского корпуса Семена Михайловича Буденного.

Земля гудела от движения тысячных масс конницы. Среди клочьев сырого тумана всадники съезжались, вновь разъезжались, группировались, перестраивались. Затем конные лавы шагом трогались с места, набирали разбег, и уже с грохотом неудержимо неслись навстречу друг другу.

Комья сырой грязной земли летели из-под копыт. В глазах, сквозь смертную пелену – спины скачущих впереди всадников, крупы их лошадей. Грохот артиллерии, Фонтаны вздыбленной земли. Над головой разрывы шрапнели. Кто-то на полном скаку вместе с конем через голову покатился на землю. Ещё один, и ещё... Пальцы занемели, сжимая эфес пашки. Вперед!

Сшиблись. Атакующий храп и предсмертный визг лошадей. Бессмысленный рев людских глоток. Выстрелы в упор. Перекошенные яростью, озверевшие лица. Сабельные удары наотмашь. Пулеметы на тачанках захлебывались горячими очередями, потом, дымя раскаленными стволами, они замолкали рядом с поникшими расчетами, изрубленными насмерть лихими сабельными ударами.

В жестоких боях с превосходящими силами противника, в полях и оврагах у села Сукманка на подступах к Тамбову, красная 13-я кавалеристская бригада товарища П. В. Курышко потерпела поражение, была разгромлена белоказаками и рассеяна. Её невеликие остатки сумели вырваться из окружения, и влились в состав частей и соединений регулярной Красной Армии.

В сентябре 1919 года генерал К. К. Мамонтов, свернув весьма удачный, но, оказавшийся без поддержки войск фронта рейд, с остатками своих частей и с огромным обозом награбленного добра ушел на Дон.

Но тем не менее, в ноябре месяце деникинские войска в ходе наступления захватили города Курск, Орел, Ливны. Линия фронта проходила всего лишь в десяти верстах от села Преображенья с его крестьянскими большевицкими коммунами, по реке Сосна. Однако в само село белые так и не вошли.

Войска Южного Фронта Российской Советской Республики, выдержали мощные удары Белой Добровольческой Армии под командованием генерала Май-Маевского В. З. в направлении Тулы и Москвы.

В том же ноябре месяце, в многодневном встречном кавалерийском сражении под Воронежем и Касторной, красный кавкорпус Семена Михайловича Буденного разгромил, опрокинул и рассеял казачьи конные массы. А части 42-й стрелковой дивизии Красной Армии отбросили за город Ливны и далеко за реку Сосна 1-ю сводную пехотную дивизию белых.

Под командованием молодых красных командиров А. И. Егорова, И. Э. Якира и В. М. Примакова войска Южного Фронта перешли в решительное контрнаступление и погнали белогвардейцев от Орла на юг к Одессе и Новороссийску.

Данила Сергеевич по приказу партии большевиков вернулся в родное село, в Коммуну.

В ноябре 1920 года, после взятия Красной Армией Крыма, закончилась Гражданская война. Но ещё весь 1921 год молодую Советскую Республику сотрясали контрреволюционные выступления и классовые битвы. Кронштадтский мятеж. Тамбовское восстание. Махновщина на Украине. До 1922 года на Дальнем Востоке бесчинствовали семеновские банды и японские интервенты. Оружие Даниле Сергеевичу приходилось держать под рукой.

Был избран в состав Измалковского райкома ВКП (б).

В 1929 году в стране началась коллективизация.

Однако, коммуна еще долгое время оставалась в своем первоначальном состоянии.

Председателем коммуны, а впоследствии и колхоза, бессменно, до самой своей смерти в 1947 году, оставался Данила Сергеевич.

В 1933, 1934, 1935 годах колхозники жили впроголодь. Хлеба не хватало.

Партия создала в стране четкое планирование и организацию заготовок хлеба, установила учет и жесткий контроль за сдачей колхозами зерна в закрома Родины. Районные и областные уполномоченные назначали план сдачи зерна сразу же после посевной, подсчитывая количество зеленых всходов на один квадратный метр.

Райком партии настойчиво требовал от коммуны и его председателя Данилы Сергеевича увеличения посевных площадей для зерновых культур (пшеницы и ржи – хлеба) за счет сокращения посевных площадей для кормов (клевер, вика, овес, турнепс). Председатель как мог – уклонялся. Выговор следовал за выговором, но он не соглашался, отстаивал свою линию (если вернулся домой из райцентра сильно выпивши – значит опять получил выговор).

Зато в хозяйстве (в отличие от соседних) не было падежа скота, зато весной лошади выходили на пахоту и боронование сытые, способные работать. Отсюда и урожайность зерновых была больше, чем у соседей, и план поставок хлеба государству всегда выполнялся. Потому, наверное, и с председателями не сняли, и из партии не выгнали. Да, к слову сказать, со времен Гражданской войны сохранились у Данилы Сергеевича знакомцы и в НКВД, и в партийных,

и в советских органах. Секретарем Краснозоринского райкома партии был двоюродный брат Данилы Сергеевича (как его звали – нам не известно).

А вот Отца Григория, настоятеля церкви «Преображения Господнего», друга детства, друга семьи, «дядю Гришу» – в 1937 году арестовали и увезли в район. Данила Сергеевич поехал за ним, выручил его, вернул домой. Через несколько дней Отца Григория снова забрали. Начальник УГРО Шалунов (боевой товарищ ещё с Гражданской войны) предупредил председателя: «Больше не лезь, сам погоришь и его не спасешь. Дело политическое». Больше Отца Григория никто не видел и никто ничего о нем не слышал.

Кроме Отца Григория из всей деревни в те годы был арестован лишь один человек – печник (фамилия его, к сожалению, не сохранилась в памяти). Мужик был работающий, руки – золотые. Но вот, ни в коммуну, ни в колхоз, ни в артель, ни в кооператив – вступать не захотел. Единоличник – «враг народа».

Кстати, семьи Отца Григория и печника никто не трогал. Жили и работали. У Отца Григория было шесть сыновей. Все они стали коммунарами и колхозниками. Все они, когда настало время, ушли на фронт. Все они не вернулись с войны. Один из сыновей, офицер, старший лейтенант, танкист, в 1943 году приезжал с фронта в краткосрочный отпуск к матери. Жена же Отца Григория, мать шестерых сыновей была частой гостьей в доме Парахиных.

За весь период коллективизации в шести колхозах (деревнях) Преображенского сельсовета было раскулачено лишь две семьи.

Одна семья – в селе Успенье (зять и родная племянница Данилы Сергеевича – Мария – дочь его сестры Варвары). Фамилия семьи по мужу, к сожалению, не сохранилась в памяти. Самого мужика арестовали, землю отобрали, полдома отобрали. Семью не тронули. Его двое сыновей – Михаил и Николай, выросли, выучились, впоследствии служили в рядах Краснознаменной Московской милиции. Оба дослужились до высоких званий, Михаил – подполковник милиции, Николай – майор милиции.

Вторая семья – в деревне Зиброво. Фамилия семьи и её судьба, к сожалению, тоже нам не известна.

Летом 1937 года один из коммунаров села Никульниково украл мешок ржи – пять пудов. Из района приехал следователь. Мужу грозило пять лет лагерей.

Но прежде чем давать делу законный ход, Данила Сергеевич собрал общее собрание. В яблоневом саду поставили стол, накрытый кумачовой скатертью, графин с водой, граненый стакан. Прямо на земле расселись селяне. Возле стола стоял, опустив голову и переминая в руках фуражку, виновник. Все честь по чести.

– Что будем делать, товарищи колхозники? – спросил председатель, – Передадим дело в органы или будим судить общественным судом?

– Сами будем судить! Общественным судом! – загалдело собрание.

Слезы брызнули из глаз провинившегося мужика. Как он благодарил односельчан – клялся искупить. Следователь, отобедав с колхозниками, испив чарку самогону, уехал в район. Мужу объявили общественное порицание.

Как-то, осенью 1938 года районный уполномоченный, с целью перевыполнения плана сдачи зерна государству, потребовал от председателя сдать, кроме всего прочего, общественный семенной фонд.

Данила Сергеевич запер амбар, отдал ключи однорукому сторожу и отправил его на дальнее поле, чтоб долго искать. Уполномоченному же было сказано:

– Амбар закрыт, ключей нет, открыть не могу. Хочешь, – сам ломай замок и сам вывози зерно. Помощников тебе здесь в этом деле нет.

Ломать амбар коммуны – уголовное преступление. Уполномоченный уехал ни с чем.

А соседние колхозы дрогнули, сдали семенной фонд. В районе им обещали – весной, к началу посевной – привезти зерно.

Наступила весна. И ведь привезли! Берите! На станции в Измалково вагоны с отборным зерном стоят. Да вот ведь беда. Зима выдалась снежная. Весна выдалась дружная. Ручьи и реки вздулись, мосты поносило, дороги развезло. Каждый овраг – неодолимая преграда. Как зерно со станции развозить по колхозам? А ведь весной каждый день дорог.

Как же пригодился семенной фонд сохраненный председателем (пришлось, конечно, делиться с нерадивыми соседями).

Каждую ночь, зимой и летом, Данила Сергеевич вставал в два часа. Он одевался, выходил из дома и шел осматривать хозяйство коммуны. Заходил на конюшню, в коровник, проверял амбары, сеновалы, перекидывался парой слов со сторожем, с конюхом. Часам к четырем он возвращался домой, садился за стол, наливал себе стопку самогонки, кружку кваса, разрезал луковицу, солил горбушку. Неспеша выпивал, закуривал (у него был свой самосад) и что-то писал в толстую тетрадь (многолетние систематические записи с наблюдениями за особенностями погоды, состоянием почвы, урожайностью различных культур и прочее, впоследствии бесследно исчезли в государственных архивах). В пять часов председатель ложился спать, а в семь часов уже вставал и шел на работу.

Кроме своих председательских дел, он никогда не считал для себя зазорным работать в поле наравне с рядовыми коммунарами.

В 1934 году в село провели радио. Большой черный рупор был вывешен над крыльцом сельсовета. Когда передавали концерты, песни, музыку – собирались слушать всем селом. В годы войны собирались слушать сводки Совинформбюро.

В этот же год впервые в село на телеге привезли кинопередвижку. Собирались люди со всех окрестных деревень. Фильм показывали на сельской площади после заката солнца на специальном белом экране. Аппарат работал от громко трещащего и дымящего бензинового движка. Титры читали вслух. Оплачивался сеанс из общественной кассы коммуны – 40 рублей. За лето кинопередвижка приезжала три – четыре раза. Много фильмов было немых. Первыми привезенными в село звуковыми фильмами были: «Трактористы» и «Мы из Кронштадта».

Электричество же в село провели только в 1950 году.

К 1939 году коммуна стала крупным богатым хозяйством. Пятьсот гектар пахотной земли. Три американских трактора «Фордзон». Приобрели грузовик ГАЗ-АА – «полупорку». Закупили племенных производителей (быка и кабана в частности), обновили сельхозинвентарь. Коммунары приоделись. Зажили.

Урожая 1939 года хватило сельчанам почти до конца войны. Весной 1945 года уже остро ощущалась нехватка хлеба. В 1946, 1947, 1948 годах – вплоть до урожая 1949 года, был настоящий лютый голод. Люди умирали.

В 1941 году, 22 июня, началась Великая Отечественная война.

Данилу Сергеевича в армию не взяли по возрасту (56 лет).

В ноябре 1941 года, в связи с приближением фронта, Измалковским райкомом партии был создан партизанский отряд. Дом Данилы Сергеевича был назначен «явочной квартирой», сам же он оставался членом подпольного райкома партии.

Немцы пришли в село Преображенье 20 ноября 1941 года и были выбиты кавалерийскими частями Красной Армии 5 декабря 1941 года. За это время (15 дней) ни партизанский отряд, ни подпольный райком не успели провести каких-либо акций в отношении оккупантов.

Деревня и колхоз в целом от немцев почти не пострадали. Конечно, немцы забрали всю скотину (коров, овец, свиней), переловили всю птицу (кур, гусей, уток, индюшек), вывезли всю муку и зерно из амбаров (что нашли, конечно, хотя особо и не искали – «кое-что» осталось). Но, ни одного дома не сожгли, мельницу сохранили, сельхозинвентарь не тронули. Ни одного человека не расстреляли, не повесили, не арестовали и не угнали. Боя в деревне тоже не было. Наши ушли без боя, и немцы ушли без боя.

После ухода немцев и восстановления Советской Власти, крестьяне наловили по лесам и оврагам отбившихся бесхозных лошадей (и наши бросали, и немцы), прикупили в нетронутых фашистами районах кое-какую скотину, отрыли спрятанное в сخورонах зерно и понемногу начали жить.

Военная зима 1941 – 1942 года выдалась морозная, вьюжная. В окрестных оврагах появились волки. От голода да холода они осмелели. По ночам, и даже по вечерам, их вой был слышен в деревнях. Собаки скулили и прятались. По утрам во дворах и на сельских улицах, на снегу – свежие волчьи следы.

Однажды вьюжным зимним вечером Данила Сергеевич вышел во двор, в руках были вилы (шел в коровник – сена скотине дать). Через пару шагов завернул за угол дома. Прямо в лицо – оскаленная пасть, распластавшееся в прыжке сильное звериное тело. Волк! Машинально, на уровне подсознания – присел, расставил ноги, выставил вилы (все в долю секунды, одним движением). Всей своей лютой злобой, всем своим бешеным порывом зверь напоролся на стальные зубья. Как сноп сена председатель поднял замершего волка над собой и, уже бездыханного, отбросил в сторону.

Вернулся домой на ослабевших ногах. Не раздеваясь, сел, дрожащими руками свернул самокрутку. Закурил.

– Там волк, – только и сказал он.

Потом вдвоем с сыном Александром затащили тушу в сени – шкуру снимать. В том волке было не менее ста килограмм.

Летом 1943 года, в преддверии Курской Битвы, командованием Красной армии было принято решение об эвакуации предприятий и населения прифронтовой полосы. Передовая находилась тогда всего в сорока километрах от Преображенья.

Колхозники переделали свои телеги в кибитки (поставили дуги и обтянули их мешковиной), погрузили нехитрый домашний скарб, привязали к телегам коров и длинным обозом двинулись на восток, прочь от войны. Бросили дома, сельхозинвентарь, запасы зерна, птицу. Всего с собой в кибитке не увезешь. Место для жительства им было определено в одном из колхозов дальней Рязанской области.

Долго и медленно шел обоз. Ломались колеса и оси на телегах. Лошади теряли подковы, хромали. Маленькие дети плакали. Дней через двадцать беженцы прибыли на место. Остановились табором на лесной опушке возле какого-то ручья. Здесь их ждала радостная весть. Советские войска на Курской дуге перешли в контрнаступление. Фронт покатился на запад. Уныние сменилось радостью. Колхозники передохнули, починились и, уже знакомой дорогой, бодро тронулись обратно домой. Кратковременная эвакуация закончилась.

Военное горе-лихо не минуло сельчан. Из ушедших на фронт более семидесяти здоровых сильных мужчин, вернулось живыми всего лишь семеро – израненных, покалеченных, обожженных, контуженных.

Данила Сергеевич Парахин – крестьянин, солдат, большевик, коммунар, русский мужик, умер в январе 1947 года от физического истощения (от голода). Не уберется – простудился, а выздороветь сил не хватило. Зима выдалась снежная, сельское кладбище замело сугробами. Весна же выдалась дружная, половодьем смыло все кресты, сровняло все холмики. Там он и покоится по сей день. Русский человек в русской земле.

Всего в семье у Данилы Сергеевича родилось четырнадцать душ детей, девять из них умерли в младенчестве, а пятеро выросли и прожили свою непростую жизнь.

Сыновья: Ефим, Николай и Александр.

Дочери: Мария и Зинаида.

Екатерина Андреевна Парахина (в девичестве Шеховцова) – жена Данилы Сергеевича Парахина (большинство крестьян села Успенье носило фамилии Парахиных или Шеховцовых).

Родилась в 1886 году, в селе Успенье Россошинского уезда Орловской губернии. Школьного образования не получила, малограмотна.

Работала на земле, в доме, по хозяйству.

В 1905 году Екатерина Андреевна году вышла замуж за Данилу Сергеевича Парахина.

В 1906 году проводила мужа на воинскую трехгодичную царскую службу.

В 1914 году проводила мужа на германский фронт.

В 1918 году проводила мужа в Красную Армию.

В 1919 году вместе с мужем вступила в Красную Крестьянскую Коммуну.

Работала. Растила детей.

В селе, в коммуне, в колхозе – она считалась непревзойденной мастерицей-стряпухой в приготовлении еды (щи, каши, соленья), а главное – в выпечке хлеба.

Готовить обед для полевых бригад (особенно трактористов) просили только её. Если готовил кто-то другой – трактористы, бывало, отказывались от еды.

В селе её любили за скромный и тихий характер, за отзывчивость, за чистоплотность и опрятность, за трудолюбие и доброту.

Огород, скотина, двор, дом – всегда у неё ухожены, всегда в порядке.

С началом войны, когда мужики поуходили на фронт, как и все женщины, работала в колхозе и за себя и за них.

Осенью 1942 года вместе с женщинами – бойцами банно-прачечного отряда – солила на зиму капусту, огурцы, грибы – для всего подразделения. Отряд был укомплектован калмычками по национальности – к соленьям не привычным. И помогла им во всем, и научила на будущее.

В зиму 1942—1943 годов частенько наезжал с фронта старший лейтенант интендантской службы, а с ним пара – тройка бойцов. Был «старшой» маленького роста, но с пышными усами. Звали его меж собой – «Шурупчик». Нагрел бывало к ночи, в пробитой снегом шинели. Вытащит на стол фляжку со спиртом да пару банок американской тушенки, да хлеба казенного буханку, тишком пристроит пару пачек махорки хозяину дома, да пару кусков банного мыла хозяйке. Да шуточки-прибауточки. А нужно-то было всего-навсего служивому – за ночь вне очереди перемолоть на колхозной мельнице привезенное с собой зерно, что бы к утру отправиться с мукой на фронт. Конечно же – все делали для служивого, как тут не использовать служебное положение мужа – председателя колхоза. А пока мельница работала, и картошечку в мундирах на стол, и капустку квашенную, и медку липового в чай, да разговоры задушевные про жизнь мирную и войну проклятую.

Весной и в начале лета 1943 года, перед Курской битвой, через село непрерывным потоком шли на передовую маршевые роты пополнения. Часто останавливались на дневку. Конечно же, бойцов и кормили, и обшивали, и обстирывали.

В село часто приезжали военные с передовой по различным делам, с различными поручениями (до августа 1943 года Преображенье находилось в сорокакилометровой прифронтной полосе). Бывали на постое и офицеры, и рядовые, и раненые, и обмороженные. Екатерина Андреевна всегда была радушной и заботливой хозяйкой для гостей-фронтовиков.

Всю жизнь Екатерина Андреевна Парахина проработала на земле. Вырастила трех сыновей и двух дочерей. Русская женщина. Крестьянка. Коммунар.

В 1947 году схоронила мужа. Переехала жить к детям, Николаю и Марии, в Волгоградскую область.

Умерла в 1965 году в селе Варламовка Калачинского района Волгоградской области, на руках у своих детей – сына Николая и дочери Марии.

Ефим Данилович Парахин

«Первым делом самолеты...»

9 января 1905 года в Петербурге царскими войсками была расстреляна мирная демонстрация рабочих возглавляемая провокатором – попом Гапоном. В России вспыхнула революция.

Гремели орудия береговых батарей. Объятый пожаром крейсер «Очаков» не отвечал.

На нем по-прежнему реял красный флаг восстания, сквозь дым ещё различался гордый сигнал «Командую флотом».

Стрелять и тушить огонь было некому. На палубах и в отсеках лежали изуродованные разрывами снарядов тела матросов. Уцелевшие от артиллерийского огня – толпами сыпались с бортов в холодную осеннюю воду Севастопольской бухты. Они надеялись вплавь достичь спасительного берега и не знали, что там их ждут винтовочные залпы спаянных железной дисциплиной солдат крепостного гарнизона.

Лейтенант Петр Петрович Шмидт на адмиральском катере невредимым добрался до берега Артиллерийской бухты. Там – промокший и морально подавленный – он был немедленно схвачен и арестован. Спустя две недели по приговору военно-полевого суда он был разжалован и расстрелян.

Были и разбитые в упор гвардейской артиллерией, баррикады на Московской Рабочей Пресне, был и мятежный неприкаянный броненосец «Светлейший князь Потемкин-Таврический». Через стачечную и митинговую, гремящую «Марсельезой», Сибирь, как раскаленным ножом сквозь масло, прошли навстречу друг другу карательные эшелоны железного генерала Александра Николаевича Меллера-Закомельского и беспощадного генерала Павла Карловича Раненкампа.

Горели помещицьи усадьбы. На перекрестках дорог скрипели виселицы. На сельских площадях свистели, рассекая воздух, казачьи нагайки, дико кричали наказуемые. Из тюремных застенков глухо вырывались наружу четкие ритмы нестигаемой «Варшавянки».

Но в 1907 году все понемногу стихло. Революция «сошла на нет».

Началась знаменитая столыпинская аграрная реформа. Началась правительственная внутривластная реакция.

Уходили на Балканские фронты эшелоны с русскими волонтерами, и сердца оставшихся на перроне юных барышень сжимались до слез под бодрые звуки «Прощания славянки».

Над страной призывно и грозно гудела набатом горьковская «Песнь о буреветнике».

В 1913 году Русский Император Николай II – «Кровавый» торжественно отмечал трехсотлетие Дома Романовых.

Сибирский вурдалак Григорий Распутин, вольготно устроившись, нагло бесчинствовал в царской семье.

Никому не известный юноша – Георгий Константинович Жуков – исправно работал подмастерьем в скорняжной лавке.

Ефим Данилович Парахин (сын Данилы Сергеевича) родился в 1913 году в деревне Парахино возле села Успенье Орловской губернии.

Босоногое детство его пришлось на годы Революции и Гражданской Войны.

В 1928 году Ефим окончил семь классов общеобразовательной школы в селе Каменка Измалковского района.

В 1928 – 1931 годах работал в Коммуне «Красная Роза» трактористом.

В 1931 году поступил в Воронежский авиационный техникум.

В 1933 году по партийно-комсомольской путевке направлен в Тамбовскую школу авиации. В 1935 году успешно её закончил.

Это были незабываемые годы становления советской авиации.

В 1933 году Чкалов поднял в небо поликарповский И-16 – лучший в мире истребитель того времени.

В 1934 году – знаменитая «Челюскинская эпопея». Летчики-полярники – первые Герои Советского Союза.

В 1937 году экипаж Валерия Чкалова на одномоторном АНТ-25 совершил беспрецедентный шестидесятитрехчасовой беспосадочный перелет из Москвы на Американский континент через Северный полюс.

Советское небо гордо бороздил восьмимоторный гигант «Максим Горький»

Из всех репродукторов страны бодро гремел «Марш авиаторов».

С 1935 года по 1939 год Ефим Данилович служил в летном составе Иркутского авиационного отряда. Стал летчиком 1-го класса.

В 1939 году назначен заместителем начальника Якутского авиаотряда.

В 1940 году вступил в ряды членов ВКП (б).

Летал на маршрутах Новосибирск – Иркутск – Верхнеудинск – Якутск – Ой-Мякон – Море Лаптевых. Эти маршруты даже в двадцать первом веке крайне сложны для маломоторной авиации. А в тридцатые-то годы двадцатого века... Самолет – фанерный, унты и куртка – меховые, мороз – сибирский. Радиосвязи нет. Аэродромов нет. Гирокомпаса (в полярных-то широтах) нет. Зато есть пистолет и шоколадка. Одним словом – легендарная северная авиация.

Одной из главных задач отряда являлась перевозка приискового золота. Золото перевозилось в брезентовых мешках, помещалось в специальные контейнеры под крыльями самолета. Контейнеры тщательно опломбировались. Доступ пилота к контейнерам во время полета исключался.

О золоте всегда ходило много легенд и баек.

Ефим Данилович утверждал, что как-то в Магадане, в обувной мастерской, сапожник подбил ему подошвы сапог золотыми гвоздями (других, мол, не было). Потом, где-то при многочисленных переездах, эти сапоги, якобы, пропали бесследно.

Запомнилась одна история. В конце тридцатых годов один из летчиков Якутского авиаотряда, как-то заразился «золотой лихорадкой». Прилетел из Магадана в Якутск со вскрытым контейнером, без золота (на маршруте приземлился, вскрыл контейнер, закопал золото). Во время следствия утверждал, что попал в метель, «болтанку», снежные разряды, потерял ориентиры, на малой высоте задел за верхушки сосен – вот контейнер и открылся, а слиток – выпал.

Невероятно, но – факт! Поверили! В тридцатые-то годы!

Прошло время. Отгремела Война. Тот летчик воевал храбро, остался жив, ничем себя не запятнал. В мирные послевоенные дни он взял отпуск и отправился отдыхать на Байкал. Добрался до Якутска. Нашел в тайге приметное ему одному место. Откапал свой клад. Долго ли, коротко ли – нашел сговорчивого зуботехника, продал ему золото. Казалось бы – все позади, живи да радуйся. Но тут посыпались жалобы на вставные зубы со стороны пациентов стоматологических клиник. Выяснилось. Золото – да не то. Требуется техническое, а не приисковое. И поехал летчик снова в Магадан, уже не добровольно.

Быль это или небыль – кто знает.

Время шло. У Ефима Даниловича увеличивался общий налет часов. Приобретался бесценный опыт полетов в экстремальных условиях.

В мире было тревожно. Полыхала война в Испании, в Китае, в Абиссинии. Мюнхенский сговор открыл дорогу гитлеровской агрессии.

Пришел 1941 год.

Рапорт Ефима Даниловича об отправке на фронт был удовлетворен. Он получил направление, но не в боевую (истребительную, бомбардировочную), а в транспортную авиацию – на знаменитый Ли-2.

Но на войне нет легких и безопасных должностей.

Летать приходилось много – и на фронт, и за линию фронта, и в тыловые районы страны – куда прикажут.

В октябре 1941 года поступил приказ – высадить группу автоматчиков на аэродроме в городе Орел. Приняли десант, взлетели, легли на курс. Добрались нормально. При посадке на аэродром визуально определили, что внизу идет жаркий бой – стрельба, трассы очередей, разрывы снарядов. Приказ надо выполнять. Сели. Десант – с самолета прямо в бой. Пора взлетать. Но из двух двигателей один работает, а другой заглох. На одном двигателе не взлететь. Стрельба уже идет на взлетной полосе и по самолету. По случаю, в кабине экипажа находился сотрудник особого отдела НКВД. Он достал откуда-то ракетницу, зарядил её, направил на бензобак и заявил, что если самолет не взлетит, то он его подожжет, чтобы не сдавать машину врагу. Экипаж, опасливо поглядывая на особиста, погнал самолет на одном моторе, сквозь стрельбу и разрывы, по взлетной полосе. В самом конце взлетной полосы внезапно заработал второй мотор. Самолет взлетел. Легли на обратный курс. Домой добрались нормально.

В октябре – ноябре 1941 года приходилось доставлять продукты в осажденный Ленинград. Часто возили сыр, копченую колбасу (компактно и калорийно). Обрато вывозили истощенных детей. В середине ноября месяца, с пятьюдесятью шестью ленинградскими ребятишками на борту, был сбит немецким истребителем над Ладожским озером. Подал сигнал «SOS». Сумел посадить почти неуправляемую машину на воду.

К самолету, оцетинившись зенитным огнем, полным ходом спешил какой-то буксир. Вместе с его командиром, экипаж вытащил на борт этого судна всех детей – до единого. Самолет тонул. Последнего ребенка (неподвижный детский скелетик, обтянутый пергаментом, в полном сознании, немигая, глядящий огромными взрослыми глазами) вытаскивали уже по горло в ледяной воде.

Потом – воспаление легких. Город Ярославль, госпиталь в здании старейшего в России драматического театра. После излечения – снова в строй.

В январе – феврале 1942 года приходилось доставлять фураж для боевых коней и боеприпасы для бойцов гвардейского кавкопуса генерала Белова Павла Алексеевича, который попал в окружение под Вязьмой. Летали по ночам. Садись на костры заснеженных лесных аэродромов. Обрато увозили раненых, обмороженных, больных.

После излечения в госпитале и безупречной службы в военно-транспортной авиации, в апреле 1942 года, командование удовлетворило рапорт Ефима Даниловича о переводе в боевые части (бомбардировочные) – на грозный Ил-4.

С августа 1942 года – Сталинград. Делали до пяти боевых вылетов в прифронтовую полосу противника за ночь. Самолеты имелись в достатке. Не хватало экипажей. Позывной Ефима был – «Ольга – 45». За каждый вылет давали по сто грамм водки и шоколадку (завтрак, обед и ужин – само собой, по распоряжку дня, в летной столовой).

При возвращении после выполнения боевого задания, ещё в воздухе, в эфире часто звучал девичий голос:

– «Ольга – 45», еще по 100 грамм готовы заработать? Самолет заправлен, боезапас загружен.

Ни разу не было, что бы кто-нибудь пробовал отказаться.

Пьяными себя не чувствовали. Страшно становилось только после последнего приземления, утром на рассвете. Тогда же наступало и опьянение. Валились спать, не снимая сапог. А в фюзеляже и в плоскостях – десятки пробоин различной величины и формы. Приходилось даже сажать машину лишь на одно единственное уцелевшее шасси.

28 ноября 1942 года – очередное боевое задание – бомбить войска окруженной группировки противника в районе Сталинградского аэродрома Воропоново. Ночь, метель, снегопад. Шли несколькими полками, эшелонировано по высоте. Прошли линию фронта (её ночью видно на земле по вспышкам выстрелов, по осветительным ракетам). Зенитный огонь врага уже выстроил завесу разрывов, но был еще несколько впереди. Немецких истребителей, по ночному времени, в небе не было.

Внезапно – удар по правому крылу (такое ощущение, будто сверху кто-то из своих сбросил бомбу), вспышка, взрыв. Самолет объят пламенем, потерял управление. Дал команду:

– Экипажу покинуть машину!

Получил подтверждение от штурмана и от стрелка-радиста. Выждал положенное время. Лицо обожжено, руки – в огне, ног не видно, но видимо – тоже горят. Откинул фонарь кабины, вывалился из горящего и уже не управляемого самолета. Парашют раскрылся.

Очнулся на дне заснеженного оврага. Боль от ожогов и ушибов. меховой комбинезон обгорел. Правый меховой унт где-то потерялся. Ни штурмана, ни стрелка-радиста не видать, видимо далеко разбросало. Самолета или его обломков тоже нигде не видно.

Принял решение – пробираться на северо-восток, через линию фронта, к своим. Семь или восемь суток шел по снежной целине, потом полз. Обморозил правую ногу. Обессилел. В прифронтовой полосе в полубессознательном состоянии был захвачен немцами. Брошен в концлагерь. Там уже находился стрелок-радист сержант Габачиев. Штурмана же, Якова Соломонова, расстреляли на месте. Он был евреем.

Что такое немецкий лагерь для военнопленных. В заснеженной, пробитой метелями приволжской степи – по-немецки аккуратный квадрат со стороной в несколько сотен метров. Два или три ряда колючей проволоки. По проволоке пущен электрический ток высокого напряжения. По углам – вышки с пулеметами и прожекторами. По периметру, внутри проволочного ограждения – ров. Точно посередине – дощатый барак без окон, с одной двустворчатой дверью – бывшая конюшня. Внутри барака – земляной пол и деревянные нары в несколько ярусов.

Один раз в день (и то не каждый день) немцы привозили в лагерь телегу с едой (пищевые отходы, картофельные очистки, свекольная ботва, солома; как деликатес – лошадиные копыта). Вместо воды – снег (заключенными был буквально вылизан весь лагерь до промерзшей земли, до последней снежинки).

Сколько в лагере было военнопленных, – не знали, пожалуй, и сами немцы. Одни умирали, и их сбрасывали в ров. Других привозили на их место. Погибли в этом концлагере тысячи советских людей.

Ефим Данилович – обгоревший и обмороженный – был обречен. Его как мог, спасал стрелок-радист Габачиев – приносил ему еду, пригоршню снега, однажды даже принес лошадиную кость, кое-как делал перевязки. Когда немцы выбросили почти не подававшего признаков жизни Ефима Даниловича в ров, Габачиев ночью вытащил его оттуда и приволок обратно в барак.

20 января 1943 года части Красной Армии в ходе наступления освободили этот концлагерь. Ефим Данилович (тридцатилетний мужик, военный летчик) весил всего 34 килограмма. Его вынесли из барака на руках в бессознательном состоянии.

Примечателен один эпизод. Заключенными лагеря, советскими военнопленными, готовился организованный массовый побег. Была создана подпольная группа. Каким-то образом подпольщикам удалось договориться с кем-то из немцев. Они завладели оружием и даже грузовиком.

Но немцы обеспечивали только внутреннюю охрану. Внешний периметр лагеря – пулеметные вышки, ворота – обеспечивало подразделение, укомплектованное украинскими националистами. Попытка подпольщиков установить контакт с украинцами привела к провалу. Организаторы группы побега были расстреляны.

Ефим Данилович не попал в их число – из-за невозможности самостоятельно передвигаться его в группу побега не взяли. Габачиев же добровольно решил остаться в плену со своим командиром, и это спасло ему жизнь.

За время плена в семью Парахиных трижды приходила «похоронка» – из полка, из райвоенкомата, из облвоенкомата. Пришли по почте и его личные вещи. Трижды семья оплакивала сына и брата.

После плена – госпиталь в Саратове. Многочисленные операции, пересадка кожи, диетическое питание. Сначала давали в день несколько чайных ложек теплого некрепкого, чуть сладкого чая. Затем – немного компота. Наконец – куриный бульон. Постепенно начинал работать желудок. Появилось непреодолимое, постоянное, все заполняющее собой, сильнее даже боли от ран и ожогов, чувство голода. От слабости не мог двигаться. Со слезами на глазах просил есть. Но нельзя. Пища для него тогда была смертельным ядом.

Приходилось заново учиться ходить, заниматься лечебной гимнастикой, набирать вес, наращивать мышцы. 13 марта 1943 года семья Ефима Даниловича получила от него письмо (первое после похоронок).

В апреле месяце, после излечения, из Саратовского госпиталя Ефим Данилович был направлен в местный орган НКВД. Там должна была решаться его дальнейшая судьба (обратно в полк, или в штрафбат, а может и того хуже...). Все-таки был приказ №227. Все-таки он был в плену.

На улицах города случайно встретил однополчан (прибыли в Саратов получать новые машины). Здесь же, в Саратове был и командир полка полковник Бровко Иван Карпович – «Батя». Силовым решением, минуя НКВД, Бровко И. К. отправил Ефима Даниловича на аэродром, посадил в самолет – и домой, в полк. Полк в то время базировался неподалеку от его родного села Преображенье – в Липецке.

После столь долгого перерыва в полетах (пять месяцев), после перенесенных лишений, командование смогло доверить Ефиму Даниловичу лишь рассылный У-2 (почта, рекогносцировка местности, перевозка запчастей, экипажей боевых самолетов и прочее).

Но боевой летчик не смирился. Он часами просиживал в кабинах бомбардировщиков на земле. Заново приучал руки и ноги к рычагам и педалям управления самолетом. Давали еще себя знать и ожоги, и швы, и обморожения, и истощение организма. Но надо было возвращаться в строй.

В июне месяце Ефим Данилович несколько раз на своем У-2 прилетал домой, в село Преображенье, «на побывку». Самолет садился на гречишное поле. Какое счастье было для семьи. Какая радость и гордость для односельчан. Желающих он даже катал на самолете.

Но на войне нет легких и безопасных должностей. Во время очередного полета в прифронтовой полосе, Ефим Данилович был атакован вражеским истребителем. На У-2 тягаться с «Мессером» трудно. Немецкий летчик загнал его за линию фронта и пулеметной очередью подбил (размочалил лопасти пропеллера). Пришлось садиться. Приземлился на окраине какой-то деревни. Немцев и полицаев там не оказалось. С местными стариками и бабами закатали машину в сад. Замаскировали досками, ветками, соломой. Принялись за ремонт. Зашивали перкаль на пробитых плоскостях, спиливали с пропеллера размочаленные ошметки стараясь оставить побольше площадь лопастей, в кузне точили что-то для мотора. Кое-как к утру «подшаманили». А по дороге уже клубится пыль – немцы на грузовиках. Ну не снова же в плен!

Бросил топор. Сел в кабину. Завел мотор. Поехали! На «обкусанном» пропеллере не взлететь. Рядом речка, за речкой, поляна, перелесок, за перелеском уже свои. Направил самолет к реке – все-таки ближе к своим. Самолет подпрыгнул раз, другой, вдруг вопреки всем законам аэродинамики, оторвался от земли, перелетел через речушку, плюхнулся вниз, и скачками через поле, через перелесок, к своим. Сейчас этот пропеллер хранится в музее авиационного полка в Полтаве.

Однажды командир полка Бровка И. К., проезжая на «виллисе» по аэродрому, увидел, как в кабине неисправного бомбардировщика Ефим Данилович самостоятельно отрабатывает полетные упражнения. Кивнув на искалеченные руки летчика, он спросил его:

– Не подведут?

– Не подведут, – твердо ответил летчик.

– Подбирай экипаж, – сказал командир.

И вот первое боевое задание – снова на Ил-4.

– Не верю! – заявил начальник особого отдела, – Он был в плену. Перелетит к немцам.

– Не веришь, – сказал командир, – Полетишь вместе с ним. Проверишь его в бою.

Экипаж Ефима Даниловича был назначен лидером-осветителем. Это значит, – первым войти в зону зенитного огня противника, обеспечить освещение объекта (осветительными бомбами на парашютах) для бомбометания всего полка и последним выйти из зоны огня – если не собьют.

Бомбили железнодорожный узел Апостолово. Огонь был плотным. Задание было выполнено. Не сбили.

После возвращения на аэродром в машине насчитали семьдесят три пробоины. Особист кратко кивнул головой:

– Летай.

Потом была Курская битва. Потом были Бухарест, Констанца, Винница, Севастополь, Будапешт, Берлин, Вена, Кенигсберг, Данцинг, Хельсинки. Всего 346 боевых вылетов в глубокий тыл врага.

Полк стал именоваться 10-м Сталинградским гвардейским бомбардировочным полком дальней авиации.

После всего увиденного и испытанного в плену, ненависть к фашистам у Ефима Даниловича была лютой. Каждый раз после завершения бомбометания, он вновь возвращал самолет к объекту и с бреющего полета пушечно-пулеметным огнем добивал, вколачивал в землю, рвал в клочья все, что там еще было живого, при этом полностью опустошая боекомплект, до последнего патрона.

Примечателен один из эпизодов в боевой летописи полка. В ноябре 1941 года, зимой, командованием была запланирована и проведена дерзкая операция по бомбардировке Варшавы.

Наши двухмоторные дальние бомбардировщики Ил-4 не доставали в то время до Варшавы. Вернее, они могли долететь, сбросить бомбы, лечь на обратный курс. Но вот долететь до наших аэродромов они уже не могли, – не хватало горючего.

В условиях строжайшей секретности было подготовлено три экипажа (исключительно добровольцы). Тщательно подготовлены машины, разработаны маршруты, назначены цели для бомбометания. Экипажам была выдана зимняя гражданская одежда, документы прикрытия, автоматы ППШ, запас продовольствия. Они получили пароли и явочные адреса для установления связи с подпольем и партизанами. После выполнения задания, на обратном пути, над Белоруссией, они должны были бросить машины и на парашютах высадиться в указанных заранее районах.

Задание было выполнено. Бомбардировка Варшавы советской авиацией вызвала большой политический резонанс в мире. Спустя время, все три экипажа вернулись с задания, через партизанский отряд, только один человек погиб при переходе линии фронта. Ефим Данилович по понятным причинам не имел возможности участвовать в той операции (был в составе военно-транспортной авиагруппы).

Отдельно следует отметить так называемые «челночные полеты». Летом 1944 года американцы взлетали с аэродромов Италии, бомбили объекты в Германии, Румынии, Венгрии и приземлялись на наших аэродромах под Полтавой. На обратном пути – вновь бомбили врага.

Состав нескольких экипажей знаменитых «летающих крепостей» – В-17, был смешанный. В экипаж входили и американцы, и наши летчики (для обеспечения полетов в Советской зоне ответственности). Участвовал в этих полетах и Ефим Данилович. К сожалению, боевая дружба союзников была прервана с началом «холодной войны».

Вся грудь увешана боевыми орденами: Орден Ленина; два Ордена Красного Знамени; два Ордена Отечественной Войны 1-й степени, Орден Красной Звезды; Медаль за Боевые Заслуги; Медали за Сталинград, за Севастополь, за Будапешт, за Кенигсберг, за Берлин, за Победу над Германией. А вот Звание Героя Советского Союза не присваивают (по принятому «Положению» звание присваивалось за сто боевых вылетов, а тут – 343). На обложке личного дела красным карандашом кем-то сделана надпись – «Был в плену».

Летом 1945 года, на одном из Кремлевских банкетов посвященных Великой Победе, по просьбе командира авиационного корпуса дважды Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Бровко И. К. (того самого «Бати»), Сталин лично дал указание представить Ефима Даниловича к Званию Героя Советского Союза. Генералиссимус с отцовской горечью (видимо вспоминая своего сына Якова) заметил:

– Только тот не мог быть в плену, кто не был на войне.

29 июня 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР это высокое звание было, наконец заслужено присвоено Ефиму Даниловичу Парахину. На три дня раньше, 26 июня 1945 года, это звание было присвоено генералиссимусу Сталину Иосифу Виссарионовичу.

После войны Ефим Данилович служил в полку на должности инструктора по летной подготовке. Летал на самолетах Ил-4, Ту-16. Женился. Затем ушел на заслуженный отдых, на пенсию. Жил в Полтаве.

Умер Ефим Данилович Парахин в апреле 1997 года. С воинскими почестями похоронен на городском кладбище, на Алее Героев. В деревне Чагино Измалковского района Липецкой области его именем названа школа.

Его единственная дочь Ирина проживает в Казахстане в городе Павлодар.

Николай Данилович Парахин

«Мы не рабы! Рабы не мы!»

В 1920 году победой Советской Власти закончилась Гражданская война.

Революционные полки гордо чеканили шаг по мостовым: «...Но от тайги до британских морей Красная Ария всех сильнее!»

В стране свирепствовал тиф, голод. Застыли заводы и фабрики. Ржавели под откосами рельсовых путей искореженные паровозы. Городские площади, вокзалы, рынки заполнили оборванные чумазные беспризорники. Города и села захлестнула волна бандитизма.

По бескрайним степям Забайкалья и Даурии бесчинствовал во главе своей «азиатской дивизии» неуловимый «белый партизан» Роман Федорович Унгерн. Отличный наездник и лихой рубака. Остзейский барон – в шелковом монгольском халате, с золотыми эполетами на плечах, украшенными царскими двуглавыми орлами. Он был талантливым командиром, неустрашимым и удачливым в бою.

Его люто ненавидели враги. Им восхищались и его до смерти боялись сподвижники. От него «отскакивали пули». Он одним лишь взглядом останавливал разогнавшуюся в атаке на него кавалерийскую лаву (факт). Он вершил военно-полевой суд с неподкупной и беспристрастной справедливостью, но и карал виновных с неопишуемой и изощренной жестокостью. Барон походя сажал на престол монгольских князей и таскал в обозе самого Далай-ламу.

Кровавый путь его белогвардейского отряда был отмечен пожарищами и виселицами, разграбленными эшелонами и взорванными мостами.

Конец его был нелепым и жалким. В сентябре 1921 года, связанного по рукам и ногам, с мешком на голове, монгольские пастухи передали его советским чекистам. Через две недели, после короткого революционного суда барон Унгерн был расстрелян.

В Забайкалье, и на территории РСФСР в целом, был ликвидирован последний очаг белогвардейщины.

В ноябре 1922 года, после ухода из Владивостока японских интервентов, ДРВ была присоединена к РСФСР.

В декабре 1922 года был образован Союз Советских Социалистических Республик.

Весной того же 1922 года на Генуэзской конференции РСФСР, одержав крупную дипломатическую победу, прорвала навязанную ей Антантой экономическую блокаду. На практике начала осуществляться Ленинская теория о мирном сосуществовании различных социальных систем.

Словно сваи в земную плоть вколачивал трубный глас Маяковского: «Читайте! Завидуйте! Я – Гражданин Советского Союза!»

Партия объявила Новую Экономическую Политику (НЭП).

В 1925 году XIV съезд ВКП (б) объявил курс страны на индустриализацию.

В стране строились ДнепрогЭС, Магнитка, Турксиб, Комсомольск-на-Амуре.

Молодой парень Леонид Брежнев учился в провинциальном Курском землеустроительном техникуме.

После провала Мюнхенского «пивного путча» бывший ефрейтор Адольф Гитлер отсиживался в тюрьме и с воодушевлением писал своё человеконенавистническое сочинение – «Моя борьба».

Среди коммунистов Германии и всего мира гремел пролетарский лозунг – «ROTH FRONT!»

Николай Данилович Парахин (сын Данилы Сергеевича) родился 12 декабря 1921 год в селе Преображенье Измалковского уезда Курской губернии. Позже, в начале 30-х годов Измалковский район вместе с селом Преображенье был передан в состав Липецкой области.

В 1935 году Николай закончил 7 классов школы комсомольской молодежи в селе Оберец.

В том же 1935 году вступил в ряды ВЛКСМ. Активно и азартно работал в комсомоле. Выступал на собраниях, проводил политинформации, выпускал стенгазеты. Работал в коммуне «Красная Роза» трактористом и шофером.

В мире было неспокойно.

В 1932 году в Германии пришли к власти фашисты. На ночных площадях немецких городов запылали костры из книг. По брусчатке мостовых отбивали марш коричневые колонны штурмовиков.

В 1932 году японцы захватили Шанхай. Началась война в Китае.

В 1936 году поднял мятеж генерал Франко. Началась гражданская война в Испании. Все честные люди планеты вскинули к плечу сжатый кулак: «NO PASARAN!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.